

Россия — Запад: подражать или творчески осваивать «не свой» опыт?

В.В. Журавлев, доктор исторических наук

В дискуссии, которая развернулась сегодня в русле обсуждения постановочно интересного доклада А.Г. Дугина, недостает, на мой взгляд, исторического аспекта. Между тем, дискурс по данной проблеме пронизывает всю историю России, то на время затихая в пору кратких эпизодов социального умиротворения и самоутверждения в чувстве национальной полноценности, то вновь выплескиваясь наружу в переходные, поворотные моменты в исторической судьбе страны, когда в массовом сознании возникает убеждение, что «все у нас хуже, чем у других».

Это мироощущение — в принципе (без перекосов тотального отрицания) позитивное, побуждающее к настрою на нововведения, — хорошо описано С.М. Соловьевым на примере эпохи накануне преобразований Петра Первого: «Экономическая и нравственная несостоятельность общества были признаны; народ, живой и крепкий, рвался из пеленок, в которых судьба держала его долее чем следовало. Вопрос о необходимости поворота на новый путь решен; новости являлись необходимо. Сравнение и тяжелый опыт произвели свое действие, раздались страшные слова: «У других лучше», и не перестанут повторяться слова страшные, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствований, учения, *время духовного ига* (выделено мной — В.Ж.), хотя и облегченного политической независимостью и могуществом, но все же тяжелого»¹.

¹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. УП. Т. 13–14. История России с древнейших времен / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1991. С. 130–131.

Существует мнение, что «западничество» — в широком понимании этого социокультурного явления — возникло на Руси одновременно с оформлением государственности. Л.Н. Гумилев, например, связывал появление идей западничества с актом призвания варягов (IX), когда в обиход вошло понятие «гостомысл» (мыслящий как «гость», т. е. пришедший со стороны, с Запада). Придавая ему нарицательный смысл, понятие это можно воспринимать, по оценке Гумилева, как синоним более позднего термина «западник»².

Сегодня модно и мнение считать первым западником монаха Нестора — отца русской исторической науки. На том основании, что в «Повести временных лет» он, строго следуя византийской «Хронике Георгия Амартола» в перечислении деталей разделения земли между тремя сыновьями Ноя (Симом, Хамом, Иафетом) после всемирного потопа, при описании территорий, доставшихся третьему сыну, отходит от византийского первоисточника и дает свое собственное истолкование. В соответствии с этим истолкованием, восточные славяне объединяются им с народами Запада. В «потомство Иафета» летописцем включаются «варяги, шведы, норманны, готы, русь, англ, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым»³.

Этот перечень мнений и истолкований можно продолжить, находя у отдельных историков (и не историков) аргументы в пользу появления западничества как социального течения и явления общественной мысли к XV, XVI, XVII и XVIII вв.⁴

Тем не менее, в классическом понимании возникновение явления западничества в нашей стране принято относить к

² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 200–201.

³ Памятники литературы Древней Руси. Начало Русской литературы. XI — начало XII века. М.: «Художественная литература», 1978. С. 25.

⁴ Специально об этом см.: Олейников Д.И. Западничество // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОС-СПЭН), 2005. С. 163–164.

1840-м гг., когда в обстановке созревшего кризиса крепостнической России западничество оформилось в идейное направление целого поколения «людей сороковых годов», утвердивших себя в полемике с оппонентами, получившими с их легкой руки прозвание «славянофилы».

Не останавливаясь на достаточно хорошо известном и исследованном в науке — исторической, философской, культурологической, политологической — споре славянофилов и западников, отметим лишь, что Россия была далеко не единственной страной, общественная мысль которой веками билась (и продолжает в значительной мере делать это сегодня) над проблемами в рамках парадигмы западничества и почвенничества. Сходные вопросы поиска своей самоидентификации волновали общественную мысль Болгарии, Венгрии, Польши, у которых общим с Россией было то, что все они волей исторических судеб были обречены на «догоняющий» тип развития.

«Перестройка», кризис и крах советской системы — и, в этой связи, наступление нового раунда в поисках Россией своего места в мире — буквально «вытолкнули» данную проблему на авансцену не только мировоззренческого противостояния, но и острейшей идеологической и политической борьбы. Борьбы, которая в той или иной мере продолжается по сей день. При этом, как справедливо подчеркивает философ О.Ю. Малинова, в этом дискурсе «явно преобладают полярно противоположные образы и оценки. И хотя крайнее западничество — как и крайнее антизападничество — явление сравнительно редкое, каждый из лагерей «заостряет» позиции оппонентов, фиксируя преимущественно негативные смыслы. Структура данного дискурса задана жесткой бинарной оппозицией, в рамках которой конструируются модели идентичности, основанные на зеркально противоположных образах Нас и Других»⁵.

⁵ Малинова О.Ю. Западничество и антизападничество в России: поиски национальной идентичности в контексте «догоняющей модернизации» // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М.: МВШСЭН, 2007. С. 299.

Наглядным подтверждением именно такой ситуации может служить ход и результаты организованной еще в 2003 г. Фондом «Либеральная миссия» дискуссии под знаковым названием «Западники и националисты: возможен ли диалог?». Организаторы дискуссии задались благой целью — представить в ее ходе «широкий спектр идеологических позиций — от православного фундаментализма до последовательного западничества».

В итоге, собственно дискуссии не получилось. В том числе и потому, что стороны не услышали и не захотели вообще слушать друг друга. Сторонники приоритета западных ценностей, которые планировали и координировали дискуссию, а также задавали в ней тон, ограничились нравоучениями в адрес своих оппонентов с оттенками пренебрежения к их доводам. И это вопреки тому, что дискуссия планировалась, как заявил президент Фонда «Либеральная миссия» Евгений Ясин, именно для того, чтобы продемонстрировать, что «диалог — органическая и неотъемлемая составляющая либерального дискурса, присущий именно ему способ публичного существования»⁶.

Доводы тех, кто не разделял взгляды последовательных западников, А.Л. Янов квалифицировал как мифы. При этом он выразил убеждение, что «каждый из этих мифов в отдельности не очень трудно опровергнуть, даже высмеять», а также изложил попутно «все преимущества, которые может принести воссоединение России с открытым миром Европы»⁷.

«Моя самоидентификация — европеист», — вторил Янову А.А. Кара-Мурза, будучи вполне уверенным в том, что «Россия — уже Европа и надо только вернуться к себе на родину»⁸. При этом, к сожалению, вне серьезной аргументации и корреляции с реальной действительностью остались главные вопросы: насколько «открытым» для России является

⁶ Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С. 8.

⁷ Там же. С. 365, 372.

⁸ Там же. С. 374, 380.

сегодня «мир Европы» и ждут ли нас там? И надо ли вообще дискутировать на данную тему, если «Россия — уже Европа»? События последнего времени дали на все эти благие претензии вполне ясные и недвусмысленные ответы.

Вступая в открытую конфронтацию друг с другом, современные радикальные либералы, с одной стороны, и «правовверные» антизападники, с другой стороны, обостряют (думаю, что намеренно) предмет дискуссии, представляя его в жестком, черно-белом свете: или — или; кто не с нами, тот против нас. На самом же деле, корень проблемы — в нацеленности на консенсус с целью достижения — в идеале — цивилизационной и модернизационной идентичности такой сложнейшей этносоциальной системы, какой является Россия.

В данном контексте, а именно — в качестве своеобразного идейно-политического «полигона» в поиске страной своей цивилизационной и модернизационной идентичности и правомерно рассматривать длительную, не исчерпавшую своего потенциала по сей день, дискуссию западников и почвенников (или самобытников — по идентификации А.И. Кошелева, одного из лидеров славянофилов)⁹.

Упорное возвращение общественной мысли страны к обсуждению данной темы как «яблока раздора» на каждом новом повороте истории¹⁰ — лишний аргумент, на мой взгляд,

⁹ Почвенничество — общественное и философско-литературное течение в России 1860–1870-х гг. Тесно связанные со славянофилами почвенники были сторонниками идеологического синтеза с западниками, признавая правоту последних в ориентации на свободное развитие личности как основного источника творческого обновления жизни. — См.: *Андреев А.Л. Почвенничество // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедия / Ред. кол.: Мчедлов М.П. и др.; Авт. кол.: Андреев А.Л. и др. М.: Республика, 2001. С. 300–303.*

¹⁰ Концентрированное представление о масштабах, формах проявления, богатстве тонов и оттенков духовных, социальных, нравственно-этических исканий русской общественной мысли в указанном направлении способен дать сравнительно недавно вышедший обобщающий труд: *Общественная мысль России ХУШ — начала ХХ века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005.*

в пользу того, что исход этой дискуссии не следует прогнозировать на путях безоговорочного утверждения одной из противоборствующих концепций. Конструктивный ее потенциал способен будет выявить себя лишь в направлении поиска органичного сочетания черт отечественного опыта и внешних заимствований.

А это ставит проблему *заимствований* в эпицентр данного противоборства. Неслучайно именно два русских ученых — выдающиеся социологи XX столетия М.М. Ковалевский и П.А. Сорокин — уделили столь пристальное внимание теоретическому обоснованию данной проблемы.

Разрабатывая в полемике с французским социологом Г. Тардом проблему соотношения традиций и новаций, М.М. Ковалевский тщательно проанализировал «мировой опыт подражания» и — в противовес Г. Тарду — пришел к выводу, что развитие общества не сводится к постоянному внешнему заимствованию народами друг у друга разнообразного опыта. Плодотворное *заимствование* (за исключением области науки и техники), по мысли Ковалевского, представляет собой не прямое подражание, а *приспособление* новшеств, что делает этот процесс «второстепенным *творчеством*» в русле саморазвития народа. Творчеством, лишь *вдохновляемым* иностранными образцами. К тому же, последние «только в том случае пускают в стране корни, когда находят здесь благоприятную среду».

«Приспособление, — детализировал свои выводы ученый, — достигается не сразу и не благодаря изобретательности того или иного бюрократа или действующей при нем канцелярии. Оно является последствием постепенно проникающего сознания, что чужой кафтан шит не по мерке, что надо его удлинить или укоротить, расшить в известных частях, укрепить в других. Все недостатки «неладно скроенного» сказываются «по мере носки», и я не отчаиваюсь поэтому, что те заимствования, которые не привились в жизни или стесняют правильный ход ее, со временем не то что

отпадут, а подвергнутся перестройке по указаниям самой жизни»¹¹.

Для такого тяжелого на подъем, инерционного социума, каким является Россия в силу особенностей ее исторических судеб (медленно запрягаем, чтобы быстро ездить!), процесс приспособления к вторгающимся извне новациям проходит чаще всего болезненно. Неслучайно С.М. Соловьев, как уже говорилось выше, охарактеризовал время адаптации масс к петровским преобразованиям как «время духовного ига». А причины того, что реформы Петра, несмотря на все трудности и издержки, были все же усвоены обществом, разъяснил нам В.О. Ключевский: «Петр взял из старой Руси государственные *силы*, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические *средства*... Результаты реформы были обращены более к будущему...»¹².

Отдавая себе отчет в трудностях восприятия и «переваживания» Россией вторгающихся в ее жизнь извне новаций, М.М. Ковалевский, вместе с тем, не разделял максимализма сторонников «полной самобытности» России. «Когда нам говорят о том, что те или другие порядки не наши, что необходимо выработать самостоятельные, национальные, истинно русские, — писал он, — мы вправе ответить, что утверждать нечто подобное — значит идти против уроков мировой истории...»¹³.

Продолжая и развивая наработки своего учителя в исследовании проблемы соотношения традиций и новаций, П.А. Сорокин сформулировал известный *закон ментальной идентичности*, ставящий пределы идущим со стороны заимствованиям в виде способности и готовности массового сознания в конечном итоге адаптироваться к этим новациям.

¹¹ Ковалевский М.М. Законодательные заимствования и приспособления // Вестник Европы. 1912. № 5. С. 49–50.

¹² Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4 / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989. С. 198.

¹³ Цит. по: Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. С. 16.

В свете этих давно уже установленных и многократно проверенных социальной практикой наблюдений, обобщений и выводов, споры о том, становиться ли нашей стране Западом или оставаться Россией, носят в основе своей досужий характер. Существование этих споров трудно объяснить логикой научного поиска. Скорее всего, они диктуются далекими от установления истины соображениями и интересами, являясь, к тому же, отголоском неизжитой психологии общества, якобы обреченного на догоняющий тип развития.

На поставленный С.С. Сулакшиным в ходе настоящей дискуссии вопрос, может ли исчезнуть то, что разделяет сегодня Россию и Запад, мне хотелось бы отреагировать следующим образом: эти различия не исчезнут, но со временем, с обретением нашей страной своей модернизационной идентичности и стратегии органического развития, могут стать для нас несущественными.

Россия уже является Западом сегодня и будет им завтра — в новых, пока еще неизвестных нам исторических условиях, но *лишь в той мере и в тех формах*, какие:

во-первых, будут соответствовать реальным, а не умозрительным *потребностям* страны и *возможностям* воплощения этих потребностей в жизнь. При этом не надо сбрасывать со счетов и такой субъективный фактор, как степень осознания необходимости достижения этого соответствия нашей политической и предпринимательской элитой;

во-вторых, будут скоординированы с массовой ментальностью граждан, с *нашей*, отечественной иерархией ценностей вкупе с отвечающим духу и требованиям этой ментальности внутренним наполнением данных ценностей.

И в заключение, хочу присоединиться к тезису, сформулированному на одном из предыдущих заседаний А.А. Галкиным: «Россия — это не Запад и не Восток. Это — Россия!»